

НАША СТРАНА

Год издания—44-ый. Буэнос Айрес, суббота 4 июля 1992

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 4 de julio de 1992

№ 2187

Олег Платонов (Москва)

К ИСТИННОМУ ОБРАЗУ

Самым достоверным и глубоким источником понимания личности последнего русского царя являются его дневники и переписка с женой. Особенно впечатляет переписка. В ней — огромный и целостный мир, отражающий тайники любящих душ, радости и боли, желания и отчаяния. Письма эти лишены всякого лукавства и лицемерия, ибо написаны как бы самому себе. Переписка царя и царицы день за днем в течение трех военных лет безо всякого сомнения — лучшее свидетельство их отношения к окружающим, их беззаветной любви к России. Откровенность и глубина суждений просто поражают. В письмах затрагивается множество имен, тем и событий и все же главной темой является их любовь и боль разлуки, нежная забота друг о друге, желание помочь, поддержать, успокоить. Приласкать и еще. Это переписка двух людей, для которых личное счастье неотделимо от благополучия России. Все беды и несчастья страны они ощущают как личные беды и несчастья.

Чувства долга и ответственности за судьбы страны постоянно доминировали в их сознании, они отчетливо понимали, что являются центром национального движения, вне которого историческая Россия существовать не может. Своекорыстное интриганство, которое велось вокруг них, они воспринимали с болью в душе. Распад российского национального сознания, разрушение вековых святынь и традиций России происходили у них на глазах. Отчуждение от русского народа подавляющей части интеллигенции и правящего слоя (в том числе и царского окружения) дошло до критической черты. За этой чертой крушение огромной страны и гибель десятков миллионов людей. И первой жертвой должна была стать царская семья.

Ощущение неотвратимости этой жертвы, как и любовь, проходит красной нитью через всю переписку, превращая ее в трагедию в письмах. Приоткроем эту переписку.

Письмо Александры Федоровны к Николаю Александровичу, 30 декабря 1915 года.

«Мой любимый!

Снова ты уехал один, и я с тяжким сердцем рассталась с тобой! Долго, долго не будет больше ни поцелуев, ни нежных ласк, а мне хочется прижаться к тебе, крепко обнять и дать почувствовать всю силу моей любви. Ведь ты — моя жизнь, мой возлюбленный, и каждая разлука причиняет мне бесконечную душевную боль, потому что ведь это разлука, с самым для меня дорогим и святым! Дай Бог, чтобы это было ненадолго! — Другие, без сомнения, найдут меня глупой и сентиментальной, но я чувствую слишком глубоко и сильно, и моя любовь к тебе, мой единственный, безмерна. Я знаю все твои душевные заботы, тревоги и мучения — и чем они серьезнее, тем сильнее мне хочется разделить с тобой эту тяжелую ответственность и взять эту ношу на свои плечи. Молись и вновь молись с верой, надеждой и терпением — должны же, наконец наступить хорошие времена, и ты и наша страна будете вознаграждены за все сердечные муки, за всю пролитую кровь! Все, — кто были взяты из жизни, горят, горят как свечи перед тронном Всевышнего. И там, где бьются за правое дело, там будет окончательная победа! Так хочется поскорее хороших вестей, чтобы утишить здесь беспокойные сердца и пристыдить за маловерие!

Нам совсем не удалось спокойно повидаться в этот твой приезд, мы были вдвоем только 3/4 часа в сочельник и вчера 1/2 часа — в постели ведь не приходится говорить, слишком уж поздно всегда, а утром

нет времени, — так это посещение и пролетело, тем более, что рождественская елка ежедневно отвлекала тебя. Но я все-таки благодарна, что ты приехал, и, не считая нашей личной радости, знаю, что твое дорогое присутствие ошастливало ты-ячи людей, видевших тебя здесь. — Новый год не такой большой праздник, но, однако, встретить не вместе, впервые за 21 год, грустно. Боюсь, как бы это письмо не показалось ворчливым, но право, я этого не хотела, — на сердце у меня тяжело, и твое одиночество для меня постоянный источник тревоги. Те, которые менее привыкли к семейной жизни, не так тяжело чувствуют разлуку.

Хотя сейчас сердце и расширено, я пойду проводить тебя, а потом отправлюсь в церковь. Там я почерпну силы и помолюсь за твое благополучное путешествие и победу. — Прощай, мой ангел, сердечный друг мой! Завидую своим цветам, которые будут сопровождать тебя! Крепко, крепко прижимаю тебя к груди, целую с нежной, нежной любовью — я вся твоя собственная маленькая Солнышко, для которой ты — все в этом мире. — Да благословит тебя Господь Бог да сохранит он тебя от всякого зла в новом году! Пусть этот год принесет тебе славу, прочный мир и воздаст за все то, чего стоила эта война! Крепко целую тебя в губы и стараюсь забыть все, все глядя в твои любимые глаза. Положу свою усталую голову на твою дорогую грудь еще раз в это утро и постараюсь найти спокойствие и силу для разлуки.

Прощай, мой единственный, любимый, Солнышко мое, муженек мой, мой собственный!

Навсегда до смерти твоя жена и друг Солнышко».

Ответ Николая Александровича Александре Федоровне 31 декабря 1915 года.

«Моя возлюбленная!

От всего сердца благодарю тебя за твое милое письмо... которое я нашел сюрпризом, когда ложился спать! Самое горячее спасибо за всю твою любовь и ласки за эти шесть дней, что мы провели вместе. Если б только ты знала, как это поддерживает меня и как вознаграждает меня за мою работу, ответственность, тревоги и пр!.. Право, не знаю, как бы я выдержал все это, если бы Богу не было угодно дать мне тебя в жены и друзья!

Я всерьез говорю это. Иногда трудно бывает выговорить такую правду, и мне легче изложить это на бумаге — по глупой застенчивости (...)

Молитвы наши встретятся в эту ночь — молебен состоится в церкви в 11,45.

Благослови Бог тебя, моя душа, и дорогих детей!

Навеки, мое дорогое Солнышко, твой старый муженек

Ники».

Для тех, кто сегодня читает эту переписку, многое покажется открытием. Еще бы! Десятилетиями нам создавали образ врага, внушалась ненависть и неприязнь к самому понятию царь. И мы по законам психологии это усвоили крепко. Теперь нам предстоит нелегкий путь — познать истину — открыть для себя образ настоящего царя.

1.

Император Николай Александрович Романов родился 6 мая (ст. ст.) 1868 года, в день, когда православная церковь отмечает память святого Иова Многострадального. Этому совпадению Император придавал большое значение, испытывая

всю жизнь «глубокую уверенность», что он «обречен на страшные испытания». Его отец Император Александр III, по оценке многих историков, был глубоко верующим цельным человеком, хорошим семьянином. Эти же качества он воспитывал у своих детей. Как политик и государственный деятель отец Николая II проявлял твердую волю в проведении в жизнь принятых решений (черта, которую, как мы увидим дальше, унаследовал и его сын). Суть политики Императора Александра III (продолжением которой стала и политика его сына) может быть охарактеризована как сохранение и развитие российских основ, традиций и идеалов. Давая оценку царствованию Императора Александра III, русский историк В. О. Ключевский писал:

«Наука ответит Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей страны, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрасудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание...»

Александр III был неприхотлив к быту, одежду носил чуть ли не до дыр. К тому же он обладал большой физической силой. Однажды во время крушения поезда Александр III некоторое время сумел удерживать падающую крышу вагона до тех пор, пока его жена и дети оказались в безопасности.

Детей в семье было пятеро — Николай (самый старший), Георгий, Ксения, Михаил и Ольга. Отец приучил своих де-

тей спать на простых солдатских койках с жесткими подушками, утром обливаться холодной водой, а на завтрак есть простую кашу.

Воспитание и образование Николая II проходило под личным руководством его отца на традиционной религиозной основе в спартанских условиях. Учебные занятия будущего императора велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Первые восемь лет были посвящены предметам гимназического курса, с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, французского, английского и немецкого языков (которыми Николай овладел в совершенстве). Следующие пять лет посвящались изучению военного дела, юридических и экономических наук, необходимых для государственного деятеля. Преподавание этих наук велось выдающимися русскими учеными с мировым именем.

Чтобы будущий Император на практике познакомился с войсковым бытом и порядком строевой службы, отец направляет его на военные сборы. Сначала два года Николай служит в рядах Преображенского полка, исполняя обязанности субалтерн-офицера, а затем ротного командира. Два летних сезона Николай проходит службу в рядах кавалерийского гусарского полка взводным офицером, а затем эскадронным командиром. И, наконец, будущий Император проводит один лагерный сбор в рядах артиллерии.

Параллельно отец вводит его в курс дела управления страной, приглашая участвовать в занятиях государственного совета и комитета министров.

В программу образования будущего Императора входили многочисленные путешествия по различным областям России, которые Николай совершал вместе с отцом. В качестве завершения своего образования Николай II совершил кругосветное путешествие. За девять месяцев он проехал Австрию, Триест, Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию, а далее сухим путем через всю Сибирь.

К 23 годам своей жизни Николай — высокообразованный человек с широким кругозором, прекрасно знающий русскую историю и литературу, в совершенстве владеющий основными европейскими языками (хотя читать он предпочитал произведения русских авторов). Блестящее образование соединилось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что было не часто для государственных деятелей того времени. Отец сумел внушить ему беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу. С детства ему стала близка мысль, что его главное предназначение — следовать российским основам, традициям и идеалам.

Хотя Император Николай II

получил блестящее образование и всестороннюю подготовку к государственной деятельности, морально к ней он не был готов. Это можно легко понять. Внезапная смерть отца в возрасте 49 лет, которому предсказали еще долгое царствование (его все считали здоровым), вначале ввергла Николая II в растерянности. Ему только двадцать шесть лет, а он отвечает за судьбу огромной страны. И к чести его — надо сказать — он сумел найти в себе силы принять эту ответственность, не перекладывая ее ни на кого.

В своем первом обращении к народу Николай Александрович возвестил, что *«отныне Он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет священный обет перед лицом Всевышнего всегда иметь единую целью мирное преуспевание, могущество и славу дорогой России и устроения счастья всех Его верноподданных»*. В обращении к иностранным государствам Николай II заявил, что *«посвятит все свои заботы развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямой политики...»*.

2.

Образцом правителя для Николая II был царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, а которое выпало царствовать Николаю II, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если при первых Романовых народные основы и традиции служат объединяющим знаменем общества, которое почитают и простой народ, и правящий слой, то к началу двадцатого века российские основы и традиции становятся объектом отрицания со стороны образованного общества. Значительная часть правящего слоя и интеллигенция отвергает путь следования российским основам, традициям и идеалам, многие из которых они считают отжившими и невежественными. Не признается право России на собственный путь. Делается попытка навязать ей чужую модель развития — либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма. И для тех, и для других главное — поломать самобытность России.

Трагедия жизни Николая II состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоев страны отвергать эти основы и традиции. И речь шла не только (и не прежде всего) о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События последних семидесяти лет показали, насколько был прав российский Император. Всю свою жизнь Николай II чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся враждебных российской

культуре сил. Как видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность хранить основы и традиции России в сочетании с чувством глубокой ответственности за ее судьбу делали Императора подвижником идеи, за которую он отдал свою жизнь.

«Вера в Бога и в свой долг Царского служения, — отмечает С. С. Ольденбург, — были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбу России лежит на Нем, что Он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на Нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти — которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве. «Они напорят — а отвечать Мне...»

Воспитатель наследника престола Жильяр отмечал сдержанность и самообладание Николая Александровича, его умение управлять своими чувствами. Даже по отношению к неприятным для него людям Император старался держать себя как можно корректней. Однажды министр иностранных дел С. А. Сазонов высказал свое удивление по поводу спокойной реакции Императора в отношении малопривлекательного в нравственном отношении человека, отсутствия всякого личного раздражения к нему. И вот что сказал ему Император: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».

«Что бы не происходило в душе Государя, — пишет С. Д. Сазонов, — он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. Мне пришлось видеть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, на котором сосредоточивалась вся его нежность, и кроме некоторой молчаливости и еще больше сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания».

Характеризуя личность Николая II, немецкий дипломат граф Рекс считал Императора человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным. «Его манеры, — писал этот дипломат, — настолько скромны, и он так мало проявляет внешней решимости, что легко придти к выводу об отсутствии у него сильной воли; но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом». Упорную и неотступную волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших Императора людей. До тех пор пока план не был осуществлен, Им-

ператор постоянно возвращался к нему, добиваясь своего. Уже упомянутый нами С. С. Ольденбург замечает, что у «Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».

Кроме твердой воли и блестящего образования, Николай обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности. Прежде всего огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, охотно он занимался и физическим трудом — пилил дрова, убирал снег и т. п.). Обладая живым умом и широким кругозором, Император быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Император имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей было много.

Император Николай II, отмечали С. С. Ольденбург да и многие другие историки и государственные деятели России, обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама. Зато в тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз он умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещающей им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий Император Николай II», — писал граф Витте уже в ту пору, когда он по существу являлся личным врагом Императора.

Более семидесяти лет правилом для казенных историков и литераторов была обязательная отрицательная оценка личности Николая II. Это не удивительно — многое в эти годы было перевернуто с ног на голову. И чем ближе российский государственный деятель стоял к нашему времени, чем крупнее он был как историческая личность, тем нетерпимей и оскорбительней была оценка его деятельности. Например, по мнению Троцкого, дореволюционная Россия была неспособна рождать крупных политических деятелей, а обречена создавать лишь жалкие копии западных. В русле этой «традиции» казенные историки приписывали Николаю II все удивительные характеристики: от коварства, политического ничтожества и пато-

логической жестокости до алкоголизма, разврата и морального разложения. История расставила все по своим местам. Под лучами ее прожекторов вся жизнь Императора и его политических оппонентов просвечена до малейших подробностей. При этом свете стало ясно, кто есть кто.

Иллюстрируя «коварство» царя, казенные советские историки обычно приводили пример, как Николай II снимал некоторых своих министров безо всякого предупреждения. Сегодня он мог милостиво разговаривать с министром, а завтра прислать ему отставку. Серьезный исторический анализ показывает, что царь ставил дело Российского государства превыше всего. И если, по его мнению, министр или сановник не справлялся с делом, он убирал его вне зависимости от его прежних заслуг. В последние годы царствования Император испытывал кризис окружения (недостаток надежных, способных людей, разделявших его идеи). Значительная часть самых способных государственных деятелей стояла на западнических позициях, а люди, на которых царь мог положиться, не всегда обладали нужными деловыми качествами. Отсюда и смена министров.

3.

В 1872 году в семье герцога Людвиг IV Гессен-Дармштадтского и дочери английской королевы Виктории принцессы Алисы родилась дочь, которую, как и мать, назвали Алисой.

Мать девочки Алиса Гессенская за свою короткую жизнь (она прожила всего 35 лет) оставила глубокую память своей душевностью, добротой и милосердием. Она создала несколько благотворительных обществ и активно участвовала в их работе. После ее смерти на добровольные пожертвования горожан ей был воздвигнут памятник «Алисе — незабвенной великой герцогине». Свою душевность и доброту мать передала и дочери. Те, кто знал ее совсем маленькой, вспоминают веселого и доверчивого ребенка, хотя иногда и вспыльчивого и даже упрямого. За постоянную улыбку и радостные чувства, которые она вызывала, ее звали «солнышко». Когда девочке было шесть лет, в семье произошла трагедия — заболели дифтеритом и умерли мать и сестра. Девочка на всю жизнь запомнила, как во дворце воцарилась гнетущая тишина, которую нарушал плач няньки за стеной комнаты маленькой Алисы. У девочки забрали игрушки и сожгли — боялись, как бы она не заразилась. Конечно, на следующий день принесли новые игрушки. Но это было уже не то — пропало что-то любимое и привычное. Событие, связанное со смертью матери и сестры, наложило роковую печать на характер ребенка. Вместо открытости в ее поведении стали преобладать замкнутость и сдержанность, вместо общительности — застенчивость, вместо улыбчивости

— внешняя серьезность и даже холодность. Только в кругу самых близких людей, а такими были единицы, она становилась прежней — радостной и открытой. Эти черты характера сохранились у нее навсегда и доминировали даже тогда, когда она стала Императрицей. Близко знавший ее учитель царских детей П. Жильяр писал:

«Весьма сдержанная и в то же время очень непосредственная, прежде всего — жена и мать, Императрица чувствовала себя счастливой только среди своих. Образованная и обладавшая художественным чутьем, она любила чтение и искусство. Она любила также созерцание и погружалась в напряженную внутреннюю жизнь, из области которой выходила лишь при появлении опасности. Тогда она со страстной горячностью вступала в борьбу. Она была одарена самыми прекрасными нравственными качествами и всегда руководствовалась своими благородными побуждениями».

Английская королева очень любила свою внучку и заботилась о ее воспитании. Замок герцога Дармштадтского был пропитан «атмосферой старой доброй Англии». На стенах висели английские пейзажи и портреты родственников из туманного Альбиона. Воспитание велось английскими наставниками и преимущественно на английском языке. Даже кухня была английской — почти каждый день рисовый пудинг с яблоками, а на Рождество гусь и, конечно, плом пудинг и традиционный сладкий пирог. Английская королева постоянно посылала внучке свои наставления и советы. Пуританская мораль воспитывалась в девочке с самых первых лет.

Алиса получила самое лучшее по тем временам образование. Знала литературу, искусство, говорила на нескольких языках, прослушала курс философии в Оксфорде.

И в молодости, и в зрелом возрасте царица была очень хороша собой. Это отмечали все (даже враги). Как описывала ее одна из придворных: «Из густой зелени парка показалась стройная, высокая фигура... Царица была вся в белом, на волосах легкая белая вуаль. Лицо было светлым и нежным... волосы красноватого золота, глаза... темно-голубые, а фигура гибкая, как пастиухий хлыст. Насколько я помню, на ней был великолепный жемчуг, а бриллиантовые серьги переливались разноцветным огнем, как только она двигала головой...» А вот описание царицы, следанное ее ближайшей подругой Вырубовой: «Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходившими до колен, она, как девочка, постоянно краснела от застенчивости; глаза ее, огромные и глубокие, оживлялись при разговоре и смеялись. Дома ей дали прозвище «солнышко». Больше всех драгоценностей царица любила жемчуг. Им она украшала и волосы, и руки, и платье. Днем царица ходила в свободной мягкой одежде, отделанной кружевами. В солнце

носила длиннополую шляпу и солнечный зонтик. Вечером одевала светлые платья, расшитые серебряной или голубой нитью. Предпочитала носить остроносые туфли на низком каблучке из замши или кожи, окрашенной в золотистый цвет».

4.

История любви русского Императора и внучки английской королевы Виктории начинается в 1884 году. Он — шестнадцатилетний юноша, стройный, голубоглазый, со скромной и немного печальной улыбкой. Она — двенадцатилетняя девочка, как и он, с голубыми глазами и красивыми золотистыми волосами. Встреча произошла на свадьбе ее старшей сестры Елизаветы (будущей великомученицы) с дядей Николая, великим князем Сергеем Александровичем. И Николай, и Алиса с самого начала почувствовали друг к другу глубокую симпатию. Николай дарит ей драгоценную брошь, а она, воспитанная на пуританской морали, в смущении и застенчивости не смеет ее взять и возвращает ему.

Вторая встреча их происходит только через пять лет, когда Алиса приезжает в Россию навещать старшую сестру. Но все это время Николай помнит о ней. «Я люблю ее уже давно, а с тех пор, как в 1889 году она пробыла в Петербурге шесть недель, я люблю ее еще более глубоко и сердечно». Заветной мечтой Николая становится женитьба на Алисе. Однако у родителей Николая другие планы. По их мнению, Алиса не очень завидная партия для наследника российского престола, они прочат сыну французскую принцессу. Николай, всегда послушный воле родителей, в этом случае с болью в сердце не соглашается с ними, заявляя, что если ему не удастся жениться на Алисе, он никогда не женится вообще. Наконец Николаю удается убедить своих родителей в согласии на этот брак.

Помолвка происходит весной 1894 года, когда европейские монархи и члены их фамилий съехались на свадьбу старшего брата Алисы. Николай присутствовал здесь как представитель своего отца Императора Александра III, который не мог приехать из-за болезни.

Уже при первой встрече наедине Николай признается Алисе в любви и просит ее руки. Она соглашается. Сбывается то, о чем они мечтали много лет. «Я плакал, как ребенок, — пишет матери Николай, — и она тоже, но это уже не было горючо. Ее лицо сияло от внутреннего счастья». День своей помолвки — 8 апреля 1894 года — они вспоминают всю жизнь как самое радостное событие, впрочем, как и их свидания в Англии несколько месяцев спустя. Тогда в разгар лета в загородной усадьбе в Уолтоне на Темзе они провели самые пленительные дни в своей жизни, одно воспоминание о которых вызывало у Александры Федоровны радостные слезы. Долгие прогулки возле

реки, беседы под старым каштаном, совместное чтение. В письме к матери Николай пишет: «Весь день при чудесной погоде мы провели на воздухе, катались на лодке вверх и вниз по течению, закусывали на берегу. Настоящая идиллия!»

Дневник Николая Александровича всегда открыт для Алисы, время от времени она делает в нем записи со стихами и молитвами, перемежающимися восклицаниями — «Тысяча раз целую моего любимого». «Да благословит тебя Бог, мой ангел». От нее у него нет тайн. Николай рассказывает Алисе о своем юношеском увлечении балериной Кшесинской.

«Что было, то было, — со слезами на глазах пишет Алиса. — Прошлое никогда не вернуть. Всех нас подвергают искушению в этом мире, и когда мы молоды, нам особенно трудно устоять и не поддаться искушению. Но если мы сумеем раскаяться, Бог простит нас. Извини, что я говорю об этом так много, но я хочу, чтобы ты был уверен в моей любви к тебе. Я люблю тебя еще сильнее после того, как ты рассказал мне эту историю. Твое доверие глубоко тронуло меня. Я постараюсь быть достойной его. Благословит тебя Господь, мой любимый Ники...»

Слова, которые Алиса записывает в дневник своего жениха, проникнуты самым возвышенным чувством любви, свет которой они сумели пронести через всю жизнь.

«Мне снилось, что я влюблена. Я проснулась и узнала, что это — правда, на коленях я благодарил Бога, за это счастье. Истинная любовь — это дар Божий. Каждый день она становится сильнее, глубже, полнее и чище». Или в другом месте: «Мы нашли любовь. Я связала ей крылья. Она никогда не исчезнет и не покинет нас. Она всегда будет звучать в наших сердцах». И наконец, слова на прощание при отъезде из Англии: «Спи спокойно. Волны убаюкивают тебя. Ангел-хранитель — всегда с тобой. Нежно тебя целую». «Мы навсегда принадлежим друг другу. Я — тебе. В этом ты можешь быть уверен. Ключ от моего сердца, в котором ты заключен, потерян, и тебе никогда не выйти оттуда».

Дальше события развиваются стремительно. Но к радости обрученных примешивается несчастье. Тяжело заболевает отец Николая. За полторы недели до его смерти Алиса приезжает в Россию, чтобы остаться здесь навсегда. 20 октября 1894 года закрывает глаза Император Александр III, а на следующий день Алиса принимает православие и русское имя Александра Федоровна.

14 ноября 1894 года происходит бракосочетание уже Императора Николая II с Великой княжной Александрой Федоровной. На браке настаивали близкие родственники государя, они считали, что таким образом можно как-то успокоить Николая Александровича, потрясенного неожиданной смертью отца и безмерной от-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

РОСТ ПРАВОСЛАВИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Газета «Нью Йорк Таймс» отметила, что после десятилетий преследований, православное христианство вынырнуло в большей части бывшего коммунистического мира, как альтернатива дискредитированному марксизму. «От России до Румынии к православным Церквям обращаются как к истокам нравственного учения и национального самосознания».

«Нью Йорк Таймс» также отметил, что, кроме того, для иных западных людей, православие сохраняет живыми те литургические и мистические чувства, которые католичество и протестантизм большей частью растеряли.

ДОБРЫЕ МОНАРХИ

Нам пишут из Мадрида:

Проживающий здесь в изгнании кубинский публицист и общественный деятель Карлос Альберто Монтанер написал что «полным ходом происходит реабилитация царизма. Уже никто не говорит — как утверждали марксистские трактаты — что в 1917 году Россия была феодальной страной, которую революция освободила от нищеты и рабства. Наоборот: теперешнее впечатление вполне благожелательное».

Монтанер далее подчеркнул, что теперь считается, что в тот роковой год когда большевики захватили Зимний дворец, нация шла к индустриализации, как тому свидетельствуют фабричные центры существовавшие в Санкт-Петербурге, и многочисленная техническая интеллигенция той эпохи.

Также больше неприемлем образ низкопоклонного крестьянина, неспособного эффективно производить. Когда Царь и его Семья были убиты шель процесс аграрной реформы — столыпинский — который обещал модернизацию сельского хозяйства в немногие годы. Одновременно намечалось покончить с безграмотностью во всего лишь два

десятилетия, вследствие чего в 1937 году царская Россия уже достигла бы педагогическую цель, которой Италия и Испания добились лишь к середине семидесятих годов.

Кубинский публицист отметил затем, что Россия «шла к успеху, но большевики предотвратили эту сверкающую участь. Хвататься за прошлое это не только акт исторической справедливости, но быть может тоже подсознательный поиск эмоционального равновесия, самоуважения. Русским — и всем народам Восточной Европы бывшим под коммунизмом — жгуче стыдно за ситуацию в которой они находятся, за отсталость в которой они живут, за бедность которую они переносят. Было время, однако, когда все было не так. Было время добрых и красивых монархов, когда народ жил в Золотом Веке».

О БЕЛОМ ПУБЛИЦИСТЕ

Наи пишут из Москвы:

Редактор «Литературной России» Эрнст Сафонов охарактеризовал проживающего в США публициста белой эмиграции Владимира Николаевича Беляева (Маркова), чьи очерки и статьи эта патриотическая газета публикует довольно часто, следующими словами:

«Он родился в семье русских эмигрантов в 1947 году, до 18 лет проживал в Аргентине, затем переехал в Сан Франциско. Сейчас он обладатель ученых степеней, занимается кибернетикой и одновременно преподает — в силу внутреннего побуждения и долга — в русской гимназии. Нам же он близок как человек, преданно исповедующий русскую идею — идею государственности России; как, наконец, ученый политолог, и именной историк при этом, с «оглядкой» на прошлое жестко анализирующий, прогнозирующий ход международных событий, национальных взаимоотношений. Его слог ясен, четок, где надо — предельно рационален, в ином месте по-писательски образен. Он реалист и вместе с тем не избывший, что встречается у многих русских, «генетического» свойства и характера — романтической возвышенности чувства, особенно когда речь идет о самом дорогом, о — России».

ветственностью, легшей на его плечи. Огромная роль, которую играл царь в России того времени, требовала учитывать также психологию крестьянства, которое составляло около 80 % всего населения страны. В сознании крестьянства неженатый мужчина не обладал должной мерой двеспособности (русская деревня считала мужчину, достигшего определенного возраста, но неженатого, неполноценным), тем более на престоле должен быть «не мальчик, но муж».

Конечно, соединение любя-

щих сердец в таких условиях вызывало в них противоречивые чувства. «Ты можешь себе представить мои чувства, — писала Александра Федоровна своей сестре, — в один день в глубоком трауре, а на другой — в элегантных одеждах для бракосочетания... сначала черные, а потом белые платья». Но жизнь и любовь побеждает смерть. После свадебных церемоний перед первой брачной ночью Александра Федоровна записывает в дневник своего супруга: «Наконец-то мы вместе, соединены на всю жизнь, и

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

ИСПОЛНЕННЫ ДУХОВНЫМ

Получили мы от вас бандероли со следующими изданиями: «Православная жизнь — 2, «Православная Русь» — 5, «Наша Страна» — 5. С интересом познакомились с неизвестной нам до сих пор газетой «Наша Страна». Также и другие издания интересны — ведь не устаревают духовное. А они исполнены духовным — газеты и журналы российского зарубежья.

В. Лисаченко (Днепропетровск)

МЫ — СИЛЬНАЯ НАЦИЯ

Я и моя семья были так рады услышать голос из-за рубежа! Вы не представляете как важна нам поддержка соотечественников, особенно в настоящее время, когда многие отчаиваются и не знают во что верить. Я считаю, что ничего не улучшится до тех пор, пока не будет восстановлено все, что было разрушено с 1917 года по наше время (здесь я имею в виду и Церковь, и веру, и традиции, и язык).

Что касается Ивана Ильина и Солоневича я в восторге от них. В «Нашей Стране» я прочитала, что в настоящее время все большее количество людей склоняется в сторону монархии, и меня это очень обрадовало, как-то вселило надежду. «Программу для России» я также прочитала и постараюсь распространить — я согласна со всеми пунктами, в особенности же с пунктом «Государство хозяев-собственников».

Я чувствую, интуитивно скорее, что русский народ не исчерпал своих ресурсов и сил, и в нем силен инстинкт жизни. Славяне — очень сильная нация и не может того быть, чтобы мы вот так просто исчезли с лица земли.

Относительно религии — у нас сейчас на нее мода, как это всегда бывает после яростного нигилизма и атеизма. Я не могу сказать — искренно это или нет, трудно судить. Но очень большое количество людей всех возрастов внезапно стало прибегать к Церкви. Это рождает надежды и воодушевляет.

если эта жизнь кончится, мы встретимся в другом мире и останемся вместе во веки веков». А на следующее утро добавляет: «Никогда бы не могла представить, что в мире есть столь совершенное счастье, такое чувство соединения между двумя смертными людьми. Я люблю тебя — в этих трех словах заключается вся жизнь».

Это совершенное счастье близости Николай и Александра сумели сохранить до конца своих дней...

Олег Платонов

А когда я читаю монархические издания как «Наша Страна» или «Литературный Иркутск» я отдыхаю душой.

Татьяна Жихарева (Тюмень)

РАД ИЛЬИНУ

Получил от вас бандеролю книги И. Ильина «Основы христианской культуры» и «О сопротивлении злу силой», а также работу о масонстве. Большое вам спасибо! Очень рад Ильину.

Мстислав Князев (Томск)

ПРЕИМУЩЕСТВО МОНАРХИИ

Я еще не пришел к твердому убеждению, что Россию может спасти только монархия, хотя бесспорно, что монархия — самое идеальное государственное устройство, если монарх — умница. В общем, я мог бы более подробно проанализировать преимущество монархии перед любым другим строем. Ограничусь главным. Монарх — хозяин страны, который лично заинтересован в ее развитии, так как все преумноженные им богатства страны перейдут наследнику, а любой республиканец и демократ, какими честными они ни были — временщики. И если монарх стремится пополнить государственную казну, то республиканцы будут ее растаскивать. Этого не надо даже доказывать — и так ясно.

Валерий Колесников (Полтава)

НА СВОЙ ПУТЬ

Очень рад тому, что получил брошюру Н. Потоцкого «Земля трудящимся». Прочитал «залпом», кое-что мне было известно, что-то, узнал впервые. Вообще трагедия произошла с нашим народом, это ужасно! Мне всегда было больно за то, что русские люди вынуждены жить на чужбине и умирать не увидев родины, в то время как они могли бы служить для ее блага и процветания.

А коммунисты продолжают вести себя как оккупанты. Страна разграблена, распродана, затравлена. А как они изнасиловали нашу культуру! На улицах хамство, грязь. Душа болит. Неужели нашим детям тоже придется в этом жить? Хочется верить, что не придется. Не все люди замкнулись и равнодушно выжидают.

Сейчас создается множество партий, политических группировок. Многие из них мечтают построить наше общество по западному образцу. Я и сам раньше считал это возможным, но теперь думаю иначе. Россия должна вернуться на свой исторический путь развития.

И. В. Пешехонов (Воркута)